

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕКА

В мире прекрасного

15 марта 1897 года молодой Рахманинов испытал тяжелую жизненную катастрофу. В этот день в Петербурге с треском провалилась его Первая симфония — сочинение, в которое он вложил весь пыл своей души. Дирижер не услышал ее за таенной страсти, он дирижировал вяло, бесцветно. Симфония «не звучала», и присутствовавшие в зале петербургские музыканты и знатоки музыки — среди них были Римский-Корсаков, Стасов, Кюи — недолго пожимали плечами...

Болезненно самолюбивый юноша решил бросить сочинительство. «Я больше не композитор», — сказал он одному из своих друзей. «Я был подобен человеку, которого хватил удар», — вспоминал он позднее. Злополучная симфония была уничтожена. Лишь спустя полвека ее с трудом восстановили по случайно сохранившимся копиям, и слушатели убедились, что неудача постигла ее только из-за плохого исполнения.

Почти три года продолжалась горестная пауза в творческой биографии Рахманинова. Автор Первого концерта, оперы «Алеко», «Грио», посвященного памяти Чайковского, и превосходных романсов и фортепьянных пьес, казалось, умолк навсегда. Нуждаясь в деньгах, вынужденный давать уроки фортепьянной игры в одном из институтов благородных девиц, он приходил в бешенство от бессмысленного «бренчания титулованных институток».

Но молодость постепенно брала свое. Рахманинов мало-помалу оправился от потрясения, находя радость то в общении с любимой среднерусской природой, то в увлекательной работе дирижера, пианиста. В Мамонтовской частной опере, где он занял пост второго дирижера, завязалась его многолетняя тесная дружба с молодым певцом Федором Шляпниным, только что начинавшим свой артистический путь. Рахманинов и Шляпкин охотно выступали вместе, порежая слушателей цельностью и единством художественного исполнения.

Обласканный друзьями и обогащенный новыми впечатлениями, Рахманинов забыл о своей душевной трагедии и возвратился к любимому искусству. Свидетельством полного выздоровления и нового ярчайшего взлета его возмужавшего таланта был Второй фортепьянный концерт, заверченный им весной 1901 года.

Чтобы постигнуть во всем богатстве образный строй Второго концерта, нужно вспомнить тогдашнюю атмосферу русской жизни. Страна вступала в XX век с еще не вполне ясными, но пылкими надеждами на неизбежность крутых социальных перемен. Мотивы борьбы за свободу, преодоления мрака, невежества, деспотии все сильнее пронизывали демократическое русское искусство. Эти мотивы звучали в постановках недавно рожденного Московского Художественного театра, в сказах и пьесах Чехова, в только что созданной опере Римского-Корсакова «Кашей бессмертной», в симфониях Александра Скрябина.

Россия с радостным удивлением прислушивалась к пророчествам молодого Горького — Буревестника грядущей революции. «Пусть сильнее грянет буря» — эти слова из горьковской революционной сказки стали поэтическим знаменем времени. Их можно было бы взять эпиграфом и к новому сочинению 28-летнего Сергея Рахманинова. Во втором концерте также слышится тревожные ожидания неслыханных перемен, ожидающих бури, весеннего обновления русской жизни. Написанная в один год с горьковской «Песней о Буревестнике», эта музыка не оставляла равнодушных: она обижала сердца, пробуждала мужество и веру в лучшее будущее, звала к неведомым романтическим далям и, оставляя у слушателя впечатление осве-

жающего весеннего потока, будила бод-

рости. Три части концерта спаяны в единое целое и воспринимаются как музыкальная поэма о больших человеческих страстях, о безграничном счастье, завоеванном в борьбе. Солирующий рояль выступает в качестве корифея этого коллективного повествования: звуки рояля — то тревожно гулкие, как набат, то насыщенные певучие, то насмешливо звончатые, как переливы бубенцов, — переплетаются с разнообразными голосами оркестровых инструментов: нежно поют скрипки, виолончели; затейливо, подобно пастушьей свирели, заливаются флейты, гобой; громогласно и резко врывается хор медных.

Концерт лишен какой-либо словесно сформулированной программы: это чисто инструментальная музыка, не обусловленная ни литературой, ни театром. И однако Рахманинов выступает в этом произведении как мыслитель и драматург, умеющий захватить аудиторию сильнейшими контрастами своей «инструментальной драмы». Вы непрерывно следите за резкими сменами эмоциональных пластов: чередование тревожных порывов, любовной исповеди, тихих лирических созерцаний и бурного ликования напоминает сложную драматургию театрального действия. Лишь вместо реальных сценических героев перед нами поющие голоса инструментов, разыгрывающие удивительную повесть без слов.

Концерт начинается тихими, постепенно нарастающими аккордами рояля, напоминающими погребальный звон колокола. Но вот, словно прорвав плотину, вырвались наружу мощные волны фортепьянных раскатов, и на их взволнованно колышущемся фоне, в страстном пении струнных, вырастает мелодия, исполненная суровости и сдержанного беспокойства. Вырастает из простейшего «зерна» — из двух смежных звуков, многократно повторяющихся. В этой мелодии, по словам академика Асафьева, «слышится встревоженность начала века, полная грозных предчувствий».

Хорошо сказал о ней большой друг Рахманинова, композитор Николай Метнер: это «не только тема его жизни, но и... одна из наиболее ярких тем России. Здесь нет ни одного этнографического аксессуара, ни сарафана, ни армяка, ни одного народно-песенного оборота, а между тем каждый раз с первого же колокольного удара чувствуешь, как во весь свой рост подымается Россия».

Ритм музыки становится все более напряженным, нервно подхлестывающим. Кажется, что черные тучи сгустились над небосклоном и разразилась жестокая гроза, сметающая все на своем пути. Бушевание бури доходит до напряженнейшей кульминации, в которой тяжелые грозды фортепьянных аккордов сплетаются с громовым звучанием всего оркестра. И вдруг на самой вершине драматического действия происходит чудесное превращение: в могучем триумфальном движении возвращается первая тема концерта, она превращается на этот раз в патетический марш. И хотя дальше вновь появляется распевно лирическая «тема любви» (на этот раз порученная певучему тембру валторны), ничто уже не может заслонить чувства гордого удивления победным маршем пробуждающейся России. В нем словно утверждаются воля к жизни и твердая решимость бойца.

Вторая часть концерта резко контрастирует первой. Пафос тревожных ожиданий и грозной борьбы остался позади: музыка проникнута мирным покоем, светлым созерцанием картин родной природы. Перед нами очень характерные для Рахманинова

образы мечтательного раздумья, безмятежного любования скромной красотой русской весны. «Как хорошо он слышит тишину», — сказал как-то о рахманиновской лирике Горький. Это относится ко многим наиболее сокровенным страницам его музыки, рожденной в минуты сладкого упоения утренним рассветом, прохладой прудов и тихих, медленно струящихся лесных ручьев. «Озера в весеннем разливе, русское половецкое» — так определил художник Релин одну из прелюдий Рахманинова — «Ре-мажор».

И вот — финал, динамичный, порывистый, пронзанный веселым возбуждением. Бурное кипение фортепьянных пассажей расцвечено серебристым хрустальным звоном. Снова слышится простейшая интонация из двух смежных звуков, звучавшая вначале; но здесь из знакомого «зерна» вырастает совсем иной образ, исполненный дерзкого задора, юношеской игры.

Рахманинов все больше и больше драматизирует, обостряет звучание концерта: захватывающая переключка солирующего рояля со всей оркестровой армией, с постепенным включением все новых групп оркестра сменяется щедрой напористостью неистовых фортепьянных пассажей, в которых автор дает волю безграничной избирательности пианиста-виртуоза.

И вот наконец наступает итог всей напряженной инструментальной драмы: торжественно и мощно звучит вторая тема финала, словно ослепительно яркий гимн завоеванному счастью.

Этот концерт вернул Рахманинова в лоно больших творческих замыслов. 29 марта 1902 года он впервые прозвучал в Петербурге в зале Дворянского собрания, и музыкальная Россия с радостью приняла его.

...Прошло сорок лет после памятной премьеры Второго фортепьянного концерта. Сергей Васильевич Рахманинов, постаревший, уставший, доживал свои дни за океаном. С невыразимой душевной болью переживал он свою роковую ошибку — разрыв с любимой Родиной. Пресыщенный американская публика не слишком баловала великого музыканта своими восторгам. Рахманинов был уже «не модным». Авангардистские критики не раз пытались «похоронить» его музыку, как якобы старомодную, несовременную; они упрекали его в излишней открытости чувства и «дурном вкусе», называли его эпигоном, раздражателем, музыкантом вчерашнего дня.

Но время шло, выдвигались новые музыкальные таланты, пианизм становился более аскетическим, деловито техничным, а рахманиновские творения продолжали волновать сердца миллионов простых людей своим эмоциональным богатством.

В дни второй мировой войны композитор вновь с неослабевающим подъемом играл свой прославленный Второй концерт во многих музыкальных центрах Запада. Он с новой силой почувствовал тогда свою духовную привязанность к далекой России, опаленной пламенем войны. В те дни в Москве была получена крупная сумма денег, присланная Рахманиновым в фонд обороны Советского Союза. «От одного из русских посылать помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу», — так писал Рахманинов в своем письме.

Его произведения и поныне украшают репертуар лучших советских пианистов, дирижеров, певцов, по-прежнему волнуют и захватывают широчайшую аудиторию. И среди них едва ли не наиболее любимым является Второй концерт, самая яркая жемчужина во всем богатейшем наследии Сергея Рахманинова.

И. НЕСТЬЕВ.

1964
АВТ
МОСКВА